

ИСТОРИИ ЛЮБВИ И НЕЛЮБВИ ВО ВРЕМЕНИ ВОЙНЫ И МИРА

**Ната Игнатова. Архивные секреты литератора. Горловка: Библиотека
журнала «Пять стихий», 2020. — 248 с.**

Донецкая писательница Ната Игнатова литературное и жизненное кредо обозначила в самом начале своей книги «Архивные секреты литератора»:

Для меня писательство и журналистика стали щитом и мечом, позволившим сражаться на стороне справедливости, защищать униженных и оскорбленных, находить истину. А еще помогли понять: через определенное время все становится историей. Историей во Времени.

Достойное кредо, которое автор постаралась подтвердить своими произведениями на страницах книги, состоящей из нескольких разделов-глав. На мой взгляд, наиболее интересные, трогательные своей искренностью, прямоотой, задушевностью — это переходящие друг в друга главы «Город детства» и «Случайная война». Даже если бы ничего другого в книге не было, ее бы следовало издать ради волнующих до слез свидетельств человека, прошедшего через ад нежданной войны, которая обрушилась на города Донбасса жарким летом 2014 года. Это действительно История в реальном времени. История честная и непредвзятая, от непосредственного участника и очевидца событий.

Гулко громынуло. Это артобстрел, ставший обычным, но никак не привычным. Разве можно к такому привыкнуть! Девочка всегда верила: человек рожден для счастья. А в понятие счастье не входит, когда кого-то убивают. Арх-трарарах! Гах-гах... Бабахнуло несколько раз подряд. Город съезжился, растерянно замер, не понимая: зачем все это? Разрушать, ломать, уничтожать, разбивать, калечить — и так уже второй месяц. А ведь поначалу девочке все казалось праздником: жители собирались на главной площади с транспарантами: «За мир!» и «Нет войне!» Из громкоговорителей звучала музыка прошлых лет. На плакатах были нарисованы улыбающиеся народы всего Земного шара, а под рисунком красовалась надпись: «Давайте, люди, дружить друг с другом!» И даже забытый с 90-х годов праздник солидарности всех трудящихся 1 Мая прошел на ура! Но внезапно все изменилось. В город пришла война. Сначала загромыhalo в аэропорту и на железнодорожном вокзале. Ух, ух, ух! Гулко бахали минометы. О-го-го! Вторили им «Грады». Бах-бах! Отвечали танки. Заполыхала вокруг земля, гарью наполнился воздух, небо затянуло темными тучами. И девочке стало казаться: что-то страшное, неведомое и злое подступает к любимому городу миллиона роз. Вот, еще немного, и скроет мрак все, что ей так дорого...

В самом деле, уму непостижимо. Представить такое было просто невозможно. Послать на мирные города и поселки артиллерию, ракетные системы залпового огня, танки, авиацию... Как? Зачем? Почему? Ведь при наличии сотен и тысяч политиков, дипломатов, общественных деятелей можно было любые проблемы обсуждать за столом переговоров, искать и находить компромиссы, ругаться и мириться, обвинять друг друга и пытаться уважать чужое мнение... Но не стрелять. Это понятно даже детям, от лица которых идет это страшное повествование. Две девочки-сестренки, оставшись днем одни в почти опустевшем многоэтажном доме, с ужасом слышат свист летящих снарядов и мин, видят разрывы прямо во дворе, под окнами. И не могут понять, зачем все это происходит. Почему летняя жара наполнена гулом разрывов и запахом пороха. Город захвачен в плен временем сорванных крыш, где от упавших стен стонет подавленно тишь. Время неожиданных мин взорвано крахом идей. Город один на один с эхом немых площадей. Но сквозь эту немому город, а вместе с ним девочки быстро научились различать «голос» войны, тональность снарядов и зловещие повадки снайперов.

Стекла в доме задребезжали. «Ух! — вскрикнула младшая сестра, испуганно заморгала и умоляюще попросила: — Слезай, скорее. Нельзя возле окна сидеть! Идем лучше в ванную! Там эти... как его... перекрытия бетонные. Если что...» Не дослушав, Валентинка, скатилась с подоконника, как стеклянный шарик-марбл с круглого отполированного стола. Затем присела под окном по самую макушку и высунула любопытный нос: «Это взрывная волна. Когда «Грады» стреляют, бежать надо в ванну или коридор. Когда из танков, на пол ложись, подальше от стекол. А когда минометы, можно в комнате на полу сидеть.

— Нельзя же так, — запрочитала Маруся. — Нельзя! Они же взрослые. Должны понимать. Нельзя других обижать...

Сестренки съезжились, слушая раскаты и громохания.

Но это был не летний благодатный дождь с грозой, молнией и темными суровыми тучами. Это была подлая, злая, страшная война. И с этим пока ничего не поделать... Когда работают снайперы, запрещается даже выглядывать из окошка. И шторы надо закрывать. А зачем эти снайперы стреляют по нам?

— У них своих детей нет, — спокойно, но сурово пояснила Валентинка. — Вот они не хотят, чтоб у других тоже были.

— О! — изумилась Маруся. — А, если все же дети у них есть?

— Нет, — задумчиво проговорила Валентинка. — Дети появляются у тех, кто их любит.

Рассказ о девочках и войне потрясает своей подчеркнутой обыденностью и житейской правдой, непонятной и беспощадной логикой событий, в которых отсутствует логика любви и добра, и лишь равнодушные глаза смерти взирают на корчащийся в муках город. Когда прилетают снаряды, то ангелы — улетают. Эхо их хрупких песен дрожит, отражаясь в кострах. Снаряды взрываются рядом, и все мы идем по краю последней любви, где свету на смену приходит страх. Снаряды летят за гранью, где нет доброты и злобы, где стало начало финалом, где память взмывает сквозняк. Вновь позднее стало ранним, и ангел взмолился, чтобы вернулась в наш дом надежда, но прежде чтоб сгинул мрак.

Как выяснилось, мрак живуч. Но жизнь становится чуть светлее не только от любви, но и от доброй песни, от улыбки взаимопонимания, от желания помочь и спасти. Когда от близких разрывов стало совсем страшно, девочки решили спеть песню, громко и, по возможности, бодро. И песня помогла. Тем более когда к их голосам неожиданно присоединились голоса соседей-пенсионеров, которым судьба припасла войну как жестокий десерт под старость. Даже читать это без слез трудно.

...И тут опять началось. За окнами бабахало, выло, гремело, дрожало. Землетрясение. Ураган. Вихрь. Вулкан. Все в одном флаконе. Притихшие девочки подальше запрятались в гардеробную. Дверь, правда, не прикрывали. Чтоб удобнее в ванную бежать! А там и в коридор. К соседям! Те же разрешили.

У-у-ух! Взззз. Бух, бух, бабах...

«Поем?» — прошептала Маруся, от испуга закрыв руками глаза, а не уши.

«Поем!» — громко согласилась Валентинка. Высунулась из гардеробной, присанилась и... «А какую?» — приободрилась и Маруся. «Помнишь, на параде 1 Мая! Все пели и улыбались, — напонила сестренка. — Правда, я только начало знаю: «Широка страна моя, родная...» Маруся кивнула, и сестры громко, хором, торжественно, на всю квартиру, а также весь усталый, потерявший надежду город, запели: «Широка страна моя родная...» И тут, перекрывая гул орудий, донесся из-за стенки бас соседа Андрея Ильича: «Много в ней лесов, полей и рек...» И звонкий, какой-то девичий бабы Клавы голос: «Я другой такой страны не знаю...» «...где так вольно дышит человек!» — сразу вспомнив весь куплет, радостно и гордо пропели сестренки... Война не ушла. Она даже не испугалась. Но люди стали другими.

Увы, песни не способны противостоять снарядам и минам, у которых нет слуха, зато есть хорошо слышная сила взрыва в сопровождении ударной волны. Снаряды не разбирают, кто станет их новой жертвой. Они просто летят, посланные равнодушной (а возможно, не равнодушной, а злорадной) рукой, они взрываются и убивают, убивают... Трудно осознать, оправдать и простить логику тех, кто заряжает оружие, направляя его на мирный город, на дома и улицы, на стариков и детей...

Город обстреливают день и ночь. На прошлой неделе опять попали во двор: скамейки в щепки, разломали песочницы, разворотили клумбы. А качели остались! Уцелели и теперь терпеливо ждут ребятишек. Правда, пока на них качается ветер. Вверх-вниз. А во дворе никого. Даже птичек, собачек и котят нет поблизости.

«Грустно, — шепчут качели. — Где вы, дети?»

«Они на Аллее Ангелов, — отвечает ветер. — Там. В парке. Их много. Они разных возрастов: от года и старше. Там малышка, которую мать успела прижать к груди, защищая от взрыва. Они лежали на газоне, а по синему небу плыли облака, унося их души высоко в небо. Я все это видел! Это так страшно...

Неужели для того, чтобы понять, как это страшно, как бесчеловечно стрелять по мирным жителям, нужно сначала попасть самому под обстрел... И только тогда задаться вопросом: «А меня за что?» Ни за что. Просто потому, что в этот миг случайно оказался под прицелом. А возможно, всего лишь потому, что имеешь иное мнение (раньше таких называли инакомыслящими, диссидентами, но каким бы ни был строгим режим, за это не расстреливали из орудий и минометов).

Времена не выбирают — классик прав. У каждого времени — свои плюсы-минусы, свои истории. Истории Наты Игнатовой растянуты во времени, вместившем в себя не только ужасы войны, но и светлые воспоминания детства и юности, волшебные, сказочные приключения, размышления о прошлом и настоящем, о скромно-нескромном обаянии социальных сетей... А также ироничные и в какой-то степени кокетливые повествования о творческих муках и поисках вечного идеала беспокойных писателей из донбасской глубинки. Не сомневаюсь, что каждая часть найдет своего читателя, который оценит стиль, наблюдательность, точность и оригинальность манеры письма автора. Очень точно Игнатова написала о времени, его эволюции и трансформации. И о нас, живущих в этом времени и ощущающих все его перемены на собственной судьбе:

Мы были наивными, верили в лучшее. Когда-то нас учили «Человек человеку друг, товарищ и брат». Да и в книгах, которые мы тогда читали, то и дело звучало: «Один за всех, все за одного». Теперь чаще можно услышать: «Никому не верь», «Не успеешь ты, успеют другие»... Многие привыкли отмалчиваться по углам. Моя хата с краю, гостей не принимаю. Что вокруг творится, не знаю. Чего от меня хотите, не понимаю. В общем, любим мы частицу НЕ. Иногда вдвойне, когда двойное отрицание не что иное, как утверждение. Заумно? Не очень. Здесь все так: не поймешь, кто друг, а кто враг. И привыкаешь постепенно никому не верить, держать запертыми двери.

Не замечать, не мучиться вопросами, не повторять — «страна, вина, война». А говорить на «черное» — «белесое», выглядывая тихо из окна. Не выделяться даже в грязном месиве, быть с краю — не на взлетной полосе, оправдывать любое мракобесие. И быть, как все, как все, как все...

Как все — это не о Натe Игнатовой, у ее прозы есть «лица необщее выраженье», оно проявляется не только в стиле и тематическом разнообразии, но и в лаконизме остроумных и афористичных фраз, которые объединены заголовком «Ричизмы», возможно, объединяющем русское понятие «речь» и английское «рич» — богатый (речь, видимо, о смысле). Вот несколько таких «ричизмов»:

Настроение

- Как настроение?
- Никак не настрою.

Маски

- Интересно, почему все носят маски?
- Стесняются себя настоящих. (особенно актуально во время карантина)

Иногда

- Так иногда хочется кому-то поверить...
- А нельзя!

Если

- Если все плохо,
- это не означает, что надо перестать быть хорошим.

О добре и зле

- Зло не бывает маленьким или большим.
- Оно либо есть. Либо его нет.

К сожалению, зло отступать не намерено. Оно есть и по-прежнему стремится диктовать свои условия, обманывать, унижать, мстить и злорадствовать. В сказках, которые любит сочинять Игнатова, добро обязательно побеждает. А в жизни — пока не ясно. Но хотелось бы, чтобы тоже...

...Город настороженно выглядывает тусклыми фонарями в крошечную тьму. Даже тишина тут зловещая, натянутая, как струна... И вдруг раскатисто так, но отдаленно прогрохотало. Не гром. Орудия. Обстрелы какой уж год. Теперь на окраинах. Раньше было повсюду. Прилеты. Выбоины. Воронки.

Рассыпавшийся в порошок кирпич, стеклянная мозаика. Это не игра. Это попадание в жилые дома. Это окна без стекол. Это дыры в стенах. Это щемящая безнадега. Столько лет между миром и войной... Усталость? Ее не было. Был страх. А еще дикое желание бежать. Хоть куда-то. То ли за помощью? То ли от жаждущих крови нелюдей? Бежать. Потому, что с кулаками — на пушки, самолеты, гаубицы, танки, минометы — вряд ли кто решится в здравом уме и твердой памяти. Хотелось проснуться. Прийти в себя. Осознать: за что так с нами? Но война не выпускала. Не

уходила. Постоянно напоминала о себе. И тут вспышка! Озарение. Прозрение. Стоп. Выхода из затянувшейся войны нет, и не будет. Никогда. Потому, что есть те, кому это выгодно. Кому дела нет до других. До страны, планеты, человечества...

Тень Шекспира, пролетев над Украиной, не заметила ни Гамлета, ни Лира, но увидела, что страсти роковые разрушительны, как сотни лет назад. Правят те же персонажи — Зло и Жадность. И жестокое Коварство над Любовью издевается, как прежде. И убийца торжествует. И никто не виноват...

Все же, пока пишутся добрые и честные книги, не все потеряно. Жизнь продолжается во времени и истории, в любви и, к сожалению, в нелюбви тоже. Но книга Наты Игнатовой, подтверждая сказанное, своими страницами голосует за любовь.

Владимир СПЕКТОР

Представляя пьесу, Е. Водолазкин пишет: «В связи с нынешней пандемией на каждой стране, каждом городе и каждом деревенском клубе висит амбарный замок. Возникает дерзкая догадка: а, может, дело не в вирусе? Может, дело как раз таки в замках? Время снимать замки — и время их развешивать. Может быть, глобализация достигла той степени, когда все ждут повода, чтобы закрыть дверь?» Депутат предполагает: «Может, для того и существуют болезни, чтобы задуматься о том, какие мы». В условиях изоляции герои проходят путь самосознания, рассказывают о себе самое плохое и самое хорошее. Известный писатель, который давно пишет только сценарии для мыльных опер и детективов; ритейлер, что продает пиццы из просроченных продуктов; лже-Депутат с поддельным удостоверением, торгующий несуществующими должностями; дипломированный доктор с дипломом, что не учился, но медицинский вуз окончил. Сестра: «Так и мы все были не те. Все. Ни одного настоящего». Герои обсуждают фантастические версии появления вируса, «боевого вируса китайского происхождения», размышляют, отчего мир остановился именно сейчас, и была бы такая паника, если бы не СМИ. Актуальная, ироничная пьеса на злобу дня с резкими поворотами сюжета и непредсказуемым финалом. О том, что не все так, как кажется с первого раза, демонстрирует пьеса «Пародист». В автомобильной катастрофе погибает известный петербургский артист. Через три года к его вдове и другу, успевшим сочетаться браком, является детектив, чтобы выяснить странные обстоятельства его смерти. У каждого из героев своя правда, и не один из них не является «белым и пушистым». Свою пьесу «Музей» Водолазкин называет не исторической и не социальной, хотя ее героям являются реальные люди: «Жанр ее я определяю как трагифарс — при этом с развитием действия фарс испаряется, остается трагедия... Речь идет не о конкретных людях, а о человеческих типах». Герои — Сталин и Киров, место и время действия — СССР 30-х годов. Киров, Сталин, соратница Кирова и его гражданская жена Маркус, сотрудница и любовница Кирова Мильда Драуле, ее муж Николаев, перевоспитанная проститутка Аэроплан в доме Кировых, начальник Ленинградского управления НКВД Медведь, сотрудники будущего музея, создающегося по ходу действия. После XVII съезда партии, где Кирову в кулуарах предложили пост Генерального секретаря, Сталин пишет свою пьесу, «любовный треугольник» в которой Сталин и определяет. Сталин Кирову: «Я. Ты. И партия. Я ее никому не отдам, слышишь? Никому». Сгущается атмосфера вокруг Кирова, свою лепту в подготовку его смерти вносят все: Мильда, Маркус, Медведь и в первую очередь — Сталин. Николаева подталкивают к убийству и Сталин, и Мильда. Рефреном звучат слова Кирова, готового отказаться и от должности, и от Мильды: «Я хочу жить». Но уже невозможно. «Сталин (кладет руку на плечо Кирова): Здравствуй, брат. — Киров (резко вставая): Иосиф? — Сталин. Иосиф, кто же еще? Брат твой, Иосиф. (Помолчав). Скажи, Мирон, брат ты мне или нет? — Киров: Брат, конечно. Самый близкий, Иосиф! — Сталин: Тяжко мне. Братья, братья, что же вы сделали с бедным Иосифом? — Киров: О чем ты, товарищ Сталин? — Сталин. Да так, вспомнилось, знаешь. Грустная история. Жил-был человек, звали его Иосиф. А братья взяли его и продали. То есть — просто продали, что называется, с потрохами. Вот, собственно, и все». Параллельно с подготовкой убийства идут и приготовления к открытию музея, должного обеспечить бессмертие (и легенду) Кирову. Древнегреческий акцент звучит в пьесе «Микрополь». Небольшой город в преддверии выборов мэра, ритм действия задает Хор обманутых дольщиков. Кандидат, обещающий решить вопрос, любовные перипетии, перенос внимания людей с долевого строительства на выдуманную историю любви. Абсурд или реальность? «Надо просто повернуть рычажок на более громкое звучание — и придумывать ничего не надо, — делится Водолазкин с читателями. — Абсурд ведь чаще всего совсем не смешон, он чаще всего оттеняет драму, трагедию нашей действительности».

Строки на веере. Проза и поэзия: Сборник. СПб.: Северо-Запад, 2019. — 168 с. — (Серия «Петраэдр», вып. 59).

Культурологические эссе, стихи и проза, посвященные Японии. Свое видение японской культуры предлагают авторы (а их — более трех десятков) начинающие и опытные. Японские реалии в изображении русских людей, зачастую не владеющих японским языком. В книге пять разделов, каждому предпослано небольшое послание, объясняющее смысл объединения произведений под одной рубрикой. В прозаических произведениях речь идет преимущественно о современной культуре Японии, но не забыто и богатое традиционное наследие Страны восходящего солнца. Раздел называется «Кипарисовые крыши», и это связано с тем, что в японской культуре кипарисовая крыша — образ городского жилища, а авторы сборника живут и работают в городе, как чаще всего и их герои, люди современные. В России Япония нередко ассоциируется с аниме, японскими мультфильмами с характерной манерой обрисовки персонажей и фонов. Фильмы эти очень популярны у российских подростков. Е. и Д. Николук в рассказе «Аниме» удалось достоверно передать психологию девочки, ушедшей в мир аниме. «Одна неверная линия, и скомканный лист бумаги летит в мусорку. Еще один. Очередной листок. Я уже сбилась, который по счету. Только сегодня это пятый или шестой... А еще только десять утра. Только что закончился второй урок, началась перемена, и я снова принялась рисовать Его». А все началось с того, что юная героиня увидела в телефоне подруги необычный мультик, невероятно яркий, потом всю ночь они с подругой смотрели мультики, а затем ей приснился сон, где она встретилась с Ним. Его изображение она ищет в Интернете, просматривает японские анимационные мультфильмы, пробует воспроизвести Его портрет по памяти. Неожиданная, лукавая, реалистичная развязка. Другой характерной современной особенностью является увлеченность японскими комиксами, манга. Их часто экранизируют, сохраняя при этом графический стиль и другие особенности оригинала. А. Грубиноски в рассказе «Прогулка» именно тему манга и обыгрывает. Его герой, известный мангаку (создатель комиксов) Кодзи Мацумото в поисках вдохновения ищет диск, единственный, где записана настоящая концовка «Агента Папной», выпущенного компанией «Madhouse» японского мистического аниме-сериала режиссера Сатоси Кона. Кодзи интересуется версия самого Кона, «а не то фуфло, что пожелали боссы из „Madhouse“». Антикварный магазин, блошинный рынок, магазин виниловых пластинок, исчезнувший так же неожиданно, как и появился, все время ускользающий владелец диска... Сюжет в стилистике фильмов аниме. О плодотворном взаимодействии двух культур повествует Т. Берцева в рассказе «Весна всегда наступает». Госпожа Накамиро приезжает в Петербург, куда ее пригласили как представителя японской школы ландшафтного дизайна для участия в садово-парковой выставке-конкурсе. Она мечтает об экспозиции, где есть холм, символизирующий Фудзи и разбегающиеся от нее камни, словно покидающие дом дети. Но возникают проблемы с материалами: не те камни, не та растительность. В работе помогает русская группа. Каменный сад госпожи Накамиро оказался лучшим, но она грустна. Она задумывала не такой сад. Таня-сан: «В чем заключалась наша задача? Мы должны были создать уголок, который больше всего понравился бы духу этого парка. Сад — место, куда этот дух направился бы отдохнуть и полюбоваться красотой природы. Наш садик поучился самым уютным». Трогательный финал: дочь госпожи Накамиро, увлеченная русской культурой (матрешки, национальная одежда и обычаи России), как русские дети японскими аниме, благодаря влиянию русских друзей по старинному японскому обряду проводит день рождения матери. Реалистичен рассказ Л. Колосовой «Sony», сказочна история О. Марковой «Хризантема». В поэтиче-

ских разделах авторы сборника, перенимая чужой эстетический опыт, предлагают собственное эмоциональное осмысление традиционных японских стихотворных форм, в том числе хокку и танка. И, конечно, отдают дань ассоциативности, недосказанности, намекам. Разноплановые стихи по японским мотивам помещены в разделе «Луноцвет» (в японской поэзии луна часто уподобляется переменчивой женщине, луна — символ непостоянства и изменчивости человеческого сердца). Гейша М. Токажевской «читает старинные книги, / Разводит в чернильнице тушь, / Печальные чайчи крики — / Неясные чайня души, / Рисует на ткани атласной / И шьет из нее кимоно». Сложные чувства переживает прелестная госпожа Оота родом из Киото Л. Александровой («В чайном павильоне»). Красивый венок японских сонетов предлагает И. Чудасов: «Тянется радужный мост / В сумрак вечерний. / Новому утру встречать / Яркость расцвета. / Яркость рассвета / Радует каждый бутон. / Жизнь быстротечна». Нетрадиционные хокку вошли в раздел «За облаком вослед», а облако, оторвавшееся от вершины, в японской поэзии символ непостоянства в любви, в этом случае — отрыв от традиции. «Кто дерево поймет, / Когда оно тоскует / По облетевшим листьям?» (А. Кузнецов); «У летнего ветра / Есть запах и цвет. / Осыпались маки в полях» (Ю. Резник). Традиционные хокку — в разделе «Небесная река». «Опало солнце. / Притихли краски в лесах... / Уснула осень» (О'Санчес). «Яблоки зреют — / Зеленые, кислые. / Все еще будет» (М. Егорова). О хокку в разделе эссе «Движение рыб» рассказывает О'Санчес, «Несколько слов о хокку»: «стих в три строки, пять слогов, семь слогов, пять слогов, итого 17 слогов, в которые должна уместиться поэзия! Как правило, это описание природы, чувств, мыслей». Разбор экспериментальных русифицированных хокку делает И. Чудасов. Так, Г. Лукомников берет за основу русский перевод хокку и добавляет четвертую строку, рифмуя ее со второй. Такое изменение И. Чудасову кажется оправданным, ведь русскоязычному читателю гораздо легче читать рифмованные четверостишия, чем медиативные трехстишия без рифмы. И если Басё пишет: «Внимательно взглядишь! / Цветы пастушьей сумки / Увидишь под плетнем», то Лукомников добавляет: «Как тайные рисунки». До двух строк сводит свои хокку Б. Гринберг: «Весь четверг дождит. / Сбудется ли что-нибудь?» Своя форма есть и у Т. Нужиной, и у А. Ханмагомедова. Среди эссе и рассказ А. Следкова о японских легендах, где герои, как и Садко, опускаются в водную глубь. И работа Т. Берцевой «Символика и ничего лишнего» о маленьких вселенных, японских садах. А общая составляющая всех произведений — любовь и интерес к Японии и ее культуре.

Юрий Лебедев. Улыбки военного переводчика. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; Северо-Запад, 2019. — 168 с.

Юрий Лебедев в 1976 году окончил московский Военный институт иностранных языков. Специальность — переводчик-референт по немецкому и польскому языкам. Проходил службу в штабе Группы советских войск в Германии в Вюнсдорфе, затем в штабе Ленинградского военного округа (1981—1983), в 1983—1987 годах был сотрудником аппарата военного атташе при Посольстве СССР в Польше. В предисловии он пишет: «Военный разведчик — особая профессия. Много о себе не расскажешь, потому что всю службу был связан с секретами. Кроме того, профессия эта на редкость контактная. Поэтому о людях, с кем вместе работал и кто тоже является носителем секретов, приходится говорить осторожно. Где чаще всего военные разведчик служат? Правильно — в разведке, потому что связаны они с изучением иностранных армий, чаще всего не очень дружественных. Казалось бы, тогда о чем вообще говорить, если говорить нельзя. А рассказать иногда хочется, к примеру, о веселых случаях. Их